

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации
БарaboшкИна Константина Евгеньевича
«Проблемы литературной теории в трактате *Луньхэн* («Весы суждений») Ван Чуна (I в.
н.э.)»

на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10. 01. 03 – Литература народов стран зарубежья (литература азиатского
и африканского регионов)

Рецензируемая диссертация представляет собой во многих отношениях пионерское исследование, вносящее существенный вклад в отечественное китаеведение. Его **научная новизна** обусловлена обращением к литературным воззрениям Ван Чуна (王充, 27-102? гг.) - одного из ведущих и наиболее самобытных китайских мыслителей всей эпохи Хань (漢 206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), и на материале его знаменитого трактата «Лунь хэн» (論衡 «Весы суждений»). Хотя к осмыслению теоретического наследия Ван Чуна отечественные и зарубежные синологи приступили еще в первой половине XX в., его взгляды на литературное творчество до сих, как это четко показано в самой работы (Введение, первый раздел Главы I), не были предметом самостоятельных исследований. Выборочное же обращение к отдельным идеям, содержащимся в «Лунь хэн», и без учета общего смыслового контекста памятника неизбежно повлекло за собой их поверхностные или ошибочные интерпретации. Поэтому главным академическим достижением рецензируемой диссертации предстает доказательство факта разработки Ван Чуном литературной концепции вкупе с ее детальной реконструкцией, что зафиксировано как в заключительных выводах диссертации (№1 – «Литературная мысль, обнаруженная на страницах трактата, несомненно, образует собой литературную теорию», с. 188; Автореферат, с. 6), так и в положениях, вынесенных на защиту (№2 - «...с определёнными оговорками, из текста всего трактата представляется возможным вычленение целостной литературной теории», с. 11; Автореферат, с. 6).

Столь же убедительно показано (и тоже зафиксировано в положениях, №3), что эта концепция составляет важную веху в формировании традиционной китайской литературной мысли (*вэньсюэ пипин* 文學批評, букв. «литературная критика», в европейской научной терминологии «литературно-теоретическая мысль», «theories of literature» «literary thought», «literary mind»), которая выделилась в качестве самостоятельного направления местной гуманитарии в III-IV вв. н. э. В рамках *вэньсюэ пипин* окончательно сложились типологические для китайской цивилизации представления о сущности и функциях литературного творчества, в первую очередь, элитарной художественной литературы *вэнь*, определяемой для различения с древней

письменной словесности (тоже *вэнь*) как «изысканная словесность» (термин, предложенный еще ак. В. М. Алексеевым, в зарубежной терминологии «refined literature»). Данные представления, определив все особенности литературной деятельности имперского Китая, частично остались в силе в духовной жизни современного китайского общества, по-прежнему оказывая влияние и на государственную культурную политику КНР. Следовательно, углубленное изучение любых деталей процесса формирования традиционной литературной мысли выступает насущно необходимым условием для лучшего понимания равно культурного наследия и современных культурных реалий Китая. И в этом заключается **научная актуальность** рецензируемой диссертации. Еще одним немаловажным пунктом **академической новизны** работы является введение в научный оборот практически неизвестных в отечественном китаеведении источников: К. Е. Барабошкин выполнил полный комментированный перевод 10 глав «Лунь хэн» (представлен в Приложении). Тем самым сделан важный шаг по дальнейшему изучению всего теоретического наследия Ван Чуна.

Цели и задачи исследования четко сформулированы (с.4; Автореферат, с. 4), что предопределило продуманность композиционного построения диссертации и стройность научного повествования. Следует сразу отметить успешную реализацию всех заявленных исследовательских задач, и полное соответствие им промежуточных (в разделах и главах диссертации) и обобщающих (Заключение) выводов. Прочность системы аргументации надежно обеспечена обширностью эмпирической базы, тщательностью проведенного автором анализа источников, а также его умением внятно и убедительно излагать свои размышления.

Первая (вводная) глава «О Ван Чуне и его произведениях» (с.15-61) состоит из четырех разделов: об изучении литературных взглядов Ван Чуна (с. 15-48), характеристика эпохи (с. 49-54), биография Ван Чуна (с. 55-57) и история трактата «Лунь хэн» (с. 58-61). Правомерность такого набора разделов очевидна, хотя, на мой взгляд (не есть собственно критическое замечание), логичнее было бы вначале познакомить читателя с жизнью и творчеством мыслителя. В первом разделе дан максимально развернутый, учитывая скудность имеющихся исследований литературных воззрений Ван Чуна, библиографический обзор. Ожидаем наиболее пространный рассказ (с. 15-27) о работах китайских ученых, включая новейшие публикации статейного формата. Удачной видится разбивка подраздела на дополнительные рубрики («Назначение творчества и литературы», и т. д.), благодаря чему автор смог четко выделить наиболее актуальные для современного китайского литературоведения вопросы, связанные с пониманием литературных взглядов

Ван Чуна, и выявить основные имеющиеся по ним точки зрения. Отрадно, что К. Е. Барабошкин не ограничился их обзором, а постоянно (напр., с. 20, 22, 25) вступает в заочную дискуссию с китайскими учеными, пусть даже суть его уточнений и возражений становится понятнее уже после прочтения всей работы. Правомерно сказать, что весь «библиографический» раздел обладает самостоятельной научной ценностью, высвечивая важные нюансы истории изучения теоретического наследия Ван Чуна и соответствующего этапа процесса формирования литературной мысли.

В Главе II «Литературные» главы «Весов суждений». Идеи, аргументация и стиль» (с. 62-132), из трех разделов, детально анализируются «литературные главы» трактата Ван Чуна. В первом разделе (с. 62-81) разбирается одна глава «Лунь хэна» («Дуй цзо» 對作), во втором – пять глав (с. 82-118), в третьем - две главы (с. 119-132). Вычленение «литературных глав» и именно такую их дифференциацию (по степени смысловой насыщенности и последовательности изложения идей Ван Чуна) справедливо тоже относить к числу исследовательских достижений К. Е. Барабошкина.

При работе с источником автор ставит во главу угла скрупулезный анализ композиции глав трактата (для «Дуй цзо», с. 71-72; обобщающие выводы во втором разделе - с. 109-112, в третьем разделе - с. 126-128) и особенностей «стилистической манеры» мыслителя, прежде всего, его риторических приемов и системы аргументации (с. 72-81, 118-112, 128-131). Такая исследовательская методика позволила К. Е. Барабошкину, во-первых, доказать, что и композиция, и все риторические приемы имеют в «Лунь хэн» смыслообразующую функцию. Во-вторых, выявить и понять имплицитную логику теоретизирований мыслителя, уловить смысловые нюансы, нередко малоприметные или вовсе незаметные при «линейном прочтении» текста. В результате К. Е. Барабошкин высказывает внушительное число авторских наблюдений, касающихся как ключевых идей, так внешне частных суждений мыслителя. Причем, любая «частность» оказывается по своему значимой для реконструкции литературной концепции Ван Чуна. Сошлюсь на обсуждение вопроса о переводе названия главы «Дуй цзо» (с. 64-65). Предложенный автором вариант - «В защиту [любого] творчества», вначале кажется не более, как очередным лексико-терминологическим экспериментом. Постепенно выясняется (каждый пункт авторских рассуждений подкреплен, повторю, аргументирован), что в этом названии содержится имплицитный намек на одну из базовых идей Ван Чуна (наиболее четко сформулирована в Автореферате, с. 10) о способности к литературному творчеству любого человека при обладании им соответствующими способностями.

Нельзя не отдать должного мастерски выстроенной архитектонике разбираемой главы диссертации. Наблюдения, высказанные на материале «Дуй цзо», неукоснительно развиваются, дополнительно поясняются и доказываются на материале прочих глав. Так, наблюдение, что Ван Чун считал труды *чжуцзы* (諸子, букв. «все учителя/философы») заслуживающими «куда как большего внимания, чем каноническая литература» (с. 99-100), затем подтверждается иерархией видов литературных произведений, в которой «сочинениям учителей» (*чжуцзы чуаньшу* 諸子傳書) отведена вторая, после канонов-*цзин*, позиция (с. 124; см. также с. 140). Правомерно говорить, что разработанная и апробированная К. Е. Барабошкиным исследовательская методика, **закладывает собой методологию** дальнейшего изучения не только «Лунь хэн» и других философских сочинений той эпохи.

В Главе III «Проблемы литературной теории в трактате» (с. 133-186) К. Е. Барабошкин через проведение обобщающего анализа воззрений Ван Чуна, доводит до искомого завершения замысел по реконструкции его литературной концепции. Для этого он использует тексты еще 17 глав трактата (перечислены на с. 133), намного расширив текстуальную базу исследования. Эта глава структурирована строго по тематическому принципу и состоит из 12 рубрик, охватывающих фактически все аспекты воззрений Ван Чуна на литературное творчество. В заключительном разделе «Место Ван Чуна в традиции» (с. 177-186) некоторые идеи Ван Чуна сопоставлены со взглядами предшествующих и современных ему мыслителей - Лу Цзя (陸賈, 240 - 170 гг. до н.э.), Ян Сюна (揚/楊雄, 53 до н.э. — 18 н. э.), Хуань Таня (桓譚, 43 г. до н.э.- 50 г. н. э.), Бань Гу (班固, 32 г. н.э. – 92 г. н.э.), а также теоретиков литературы уже III в. - Цао Пи (曹丕 187-226, Лу Цзи (陸機, 261-303). Этот раздел не только свидетельствует о знакомстве К. Е. Барабошкина с внушительным кругом источников, причастных к формированию литературной мысли, но и задает направление для будущих исследований.

Тематические разделы вновь насыщены авторскими и нередко пионерскими для современных знаний об истории традиционной китайской литературной мысли наблюдениями. Наиболее значимыми, на мой взгляд, являются, во-первых, тезис, что Ван Чун «относит к категории *вэнь* не только художественную литературу, но также каноны, историографические сочинения, комментарии, которые в следующую эпоху уже исключались из этого понятия» (с. 136). Отсюда следует, что процесс выделения

«изыщной словесности» из общего потока литературного творчества, хрестоматийно соотносимый как раз с I в. н. э., протекал значительно более сложно, чем это принято считать.

Во-вторых, наблюдение о значимости для философии и непосредственно литературных воззрений Ван Чуна понятия «естественности» (*цзыжань* 自然), в чем сказало влияние на него, последовательного сторонника конфуцианства, древней даосской теоретической мысли (с. 138-139). Подобный синтез идей, восходящих к различным философским школам древности, в дальнейшем станет одной из примет собственно литературной мысли, что мы видим в прославленном трактате «Вэнь синь дяо лун» (文心雕龍, название переводят по-разному) Лю Се (劉勰 460?—520?).

В-третьих, выявление (с. 141-142) двойственного отношения Ван Чуна к одической поэзии (*фу* 賦). Его точка зрения частично совпадает, что отмечает и сам автор (с. 179), с дифференциацией *фу* на «правильные» и «погрязшие в излишествах», выдвинутой Ян Сюном (Глава 2 трактата «Фа янь» 法言, «Образцовые речения»). К сказанному в диссертации уместно добавить, что Ян Сюн впервые, видимо, задался фундаментальной проблемой — что есть истинная поэзия в ее нерасторжимом единстве со столь же базовыми вопросами общественно значимых функций поэтического творчества как органического компонента духовных основ государственности. Позиция поэтического творчества у Ван Чуна перекликается с жанровой классификацией Цао Пи, где поэзия — лирика (*ши* 詩) и *фу*, тоже поставлены на последнее место. Значит, распространенная в науке версия об исходном главенстве поэтического творчества в китайской литературе уязвима, и подлежит дальнейшему выяснению, когда же именно и почему его стали почитать высшим воплощением *вэнь*.

В-четвертых, определение сути эстетических принципов Ван Чуна: «идеалом истинно прекрасного в искусстве ... является произведение, написанное простым языком, не искажающее фактов действительности и играющее большую роль в воспитании последующих поколений» (с. 172), проистекающее из анализа тоже выделенной автором (с. 171-172) категории «истинно прекрасное» (*чжэньмэй* 真美). Не менее значим и вывод, что в «Лунь хэн» запечатлено разделение этического и эстетического начал (с. 189). Было

бы несправедливым обойти молчанием и классификацию литераторов, воссозданную в подразделах «Литераторы и их положение в обществе» (с. 145-155) и «Классификация литераторов» (с. 156-159). Словесный анализ весьма замысловатых рассуждений мыслителя удачно дополняют иллюстрации в виде схем.

Полностью доказан и генеральный тезис диссертации, к которому автор постоянно возвращается по ходу своего исследования, о том, что литературная концепция Ван Чуна, несмотря на своеобразие определенных ее нюансов, в целом выдержана в парадигме конфуцианских воззрений на *вэнь*, или в несколько иной терминологии – в парадигме дидактико-прагматического подхода к письменной словесности. Суть такого подхода исчерпывающе, напомним, сформулировал еще ак. В. М. Алексеев: *вэнь* как воплощение просветительной силы мудрого древнего книжного слова, перерабатывающей (*хуа* 化) природу человека, восстанавливая его первобытную доброту и добротность (*шань* 善) и делая личность пригодной к управлению народом (Китайская литература: Избранные труды. М.: Наука, 1978, с. 368).

Принципиальных возражений против общего содержания рецензируемой диссертации, основных выводов автора и положений, вынесенных на защиту, у меня нет. Вместе с тем в работе наличествует, к сожалению, немало погрешностей. Основные нарекания вызывает небрежности, мягко говоря, допущенные при изложении историко-культурных реалий, особо многочисленные в разделах 2-4 Главы I. Удивляет вводная характеристика эпохи Хань: «В эту эпоху Китай столкнулся с различными проблемами как социального, так и экономического характера. После падения Цинь (秦, без дат и какого-либо определения – М. К.) торговля, хозяйство, производство – всё пришло в упадок. Крестьянство нищенствовало, а в казну поступало всё меньше и меньше налоговых выплат» (с. 49). Остается лишь догадываться, что автор, наверное, имел в виду заключительное столетие эпохи Ранняя (Западная) Хань (206 г. до н. э. – 8 г. н.э.). После правления императора У-ди (武帝, прав. 140/141—86/87 до н. э.), с которым, замечу, соотносят высший расцвет всей ханьской империи, китайское общество действительно охватили деструктивные тенденции. Однако ни о вызвавших их факторах, ни об идейно-политических поисках того времени, начиная с попыток религиозных реформ, в

диссертации практически ничего не сказано. Непозволительно, на мой взгляд, скупо и невнятно охарактеризован и начальный период эпохи Поздней (Восточной) Хань (25-220 г. н.э.), охватывающий времена царствования императоров Гуаньфу-ди и Мин-ди (明帝 прав. 57—75), о последнем вообще не упоминается. Победы над *сюнну* (匈奴 хунны, гунны), безусловно, явились важным внешнеполитическим успехом реставрированного правящего дома (с. 50). Но определяющими для духовной жизни указанных десятилетий, которые и составляют историко-культурный контекст жизни и творчества Ван Чуна, были потрясения, вызванные переворотом Ван Мана (王莽 45 до н. э.—23 н. э.): он показал, что имперский порядок, прежде мыслимый верхом совершенства устройства человеческого общества, отнюдь не лишен изъянов и не гарантирует непоколебимости династии. Остро возникла потребность в поиске новых идейно-религиозных средств для поддержания авторитета правящего режима и института верховной власти в целом. Были проведены очередные масштабные идейно-религиозные преобразования. Важнейшим из них традиционно сочтено признание конфуцианства государственным учением империи. Это событие связывают отнюдь не с правлением императора У-ди, как утверждает автор (с. 51), а с масштабными дискуссиями в Палатах Каменного канала (Шицьюгэ 石渠閣) и в Зале Белого тигра (Байхутан 白虎堂), состоявшихся в 51 и 59 гг. соответственно. Именно тогда были выработаны нормативные интерпретации идей и понятий древнего конфуцианства, утверждены состав и редакции канонических сочинений, образовавших канонический свод «У цзин» (五經 принятый сегодня перевод названия - «Пятиканоние», вместо устаревшего «Пятикнижие», которое устойчиво употребляет автор, в т. ч. с. 68, 140). Неточности в изложении истории конфуцианства при Хань дополняет трактовка эпизода разделения конфуцианства на «школу канонов в современных знаках» (*цзиньвэнь цзинсюэ* 今文經學) и «школу канонов в древних знаках» (*гувэнь цзинсюэ* 古文經學). Приведенная терминология в тексте диссертации отсутствует, а сам эпизод трактуется так: «Поэтому школа, **грубо говоря** (выделено мною – М. К.), распалась на две части – тех, кто поддерживали варианты канонов, записанные современным письмом, и тех, кто поддерживал варианты канонов, написанные древним письмом... Конечно же, разногласия были более фундаментальные, чем просто проблема древних и современных

текстов, и включали в себя ряд других вопросов.. К примеру, вопрос о том, как стоит относиться к проблемам конфуцианской традиции и гадательных неканонических текстов (с. 53). А ведь установлено, что *цзиньвэнь цзинсюэ* и *гувэнь цзинсюэ* репрезентировали неортодоксальное и ортодоксальное направления конфуцианской теоретической мысли соответственно. Представители второго доказывали незыблемость авторитета Конфуция и его преемников, абсолютную истинность их идей, непреложность их заветов и отрицали любые попытки смысловой ревизии древнего конфуцианства. Сторонники «школы канонов в новых знаках» декларировали необходимость творческого подхода к теоретическому наследию древних мыслителей, правомерность толкования их воззрений, исходя из актуальных для государства и общества текущих проблем. Лидером этого направления являлся Дун Чжуншу (董仲舒 ок. 179—ок. 104 до н. э.), о чем в диссертации тоже умалчивается, хотя автор неоднократно апеллирует к этому мыслителю.

Некорректна также информация о «канонах» и «апокрифах» (с. 51): «Поэтому, начали появляться комментарии к канонам, и даже видоизменённые каноны, предназначенные именно для гадания. В отличие от канонов (*цзин* 經) такого рода книги получили название *вэй* (уток 緯)». У читателя создается впечатление, что разделение на *цзин* и *вэй* («апокрифы») произошло при Хань. На самом деле, оба термина, имея более архаические истоки, были исходно связаны с опорными для Древнего Китая космологическими представлениями и категориальным понятием *вэнь* в его модусе «узор». Хрестоматийно определение *цзин* и *вэй* из «Цзо чжуань» (左傳 «Комментарий [семейства] Цзо»; к записям о 28-м годе правления Чжао-гуна 昭公, прав. 541—510 до н. э.): «Основу Неба и уток Земли называют узором» (經緯天地曰文 *цзинь вэй тянь ди юэ вэнь*). Принято считать, что *цзин* символизирует небо, *вэй* — землю. Столь же распространена версия об изначальном осмыслении *вэй* в качестве своего рода эзотерических комментариев к каноническим сочинениям. Конфуцианская традиция приписывает их создание самому Конфуцию: конкретным воплощением *цзин* почитались книги, вошедшие в «Пятиканоние», а возникновение *вэй* связывалось с комментариями к «И цзину» (易經 «Канон перемен»). Как *цзин* и *вэй* понимают, к слову, основной текст летописи «Чунь цю» (春秋 «Весны и осени») и комментарий к нему («Цзо чжуань»).

Разного рода неточности и даже фактологические ошибки допущены в основном тексте работы и в примечаниях для многих других историко-культурных реалий обеих эпох Хань. Ограничусь несколькими примерами (в порядке их последовательности по тексту работы). *Основной текст:* 1) «На престол взошёл Лю Сюань (劉玄), которого к тому времени провозгласили императором под именем Гэнши» (с. 49). Гэн-ши (更始 обычно пишется через дефис) – не имя, а девиз правления. 2) «А в начале 90-х годов китайцам удалось нанести серьёзные поражения сюнну, что позволило империи открыть дорогу на запад» (с. 50). Первое серьёзное поражение древней сюннуской державе китайцы нанесли еще при У-ди (войны 133—119 гг. до н. э.), что и открыло империи «дорогу на запад» (т. е. в Центральную Азию): в 101 г. до н. э. ханьская армия дошла до Ферганы, чуть позже стал функционировать Великий Шелковый путь. Эти события упущены и в соответствующем примечании (№18). 3) «Далее упоминания о трактате встречаются в разделе «Цза цзя» Суйшу» (с. 59). «Цза цзя» (雜家, «[Сочинения мыслителей] различных школ», иероглифика и перевод названия в тексте отсутствуют) есть не самостоятельный раздел «Суй шу» (隨書, букв. «Книга [о династии/империи/эпохе] Суй», а не «Книга Суй», прим. 35, с. 59), а подраздел её библиографического трактата «Цзин цзи чжи» (經籍志 «Трактат о канонах и книжных собраниях»). *Примечания:* 1) «У-ди (武帝), посмертное имя Сяо У (孝武)» (сноска №23, с. 53) – и У-ди, и Сяо-у есть сокращения от одного и того же храмового титула (посмертного имени) этого монарха-Шицзун-сяоу-хуанди (世宗孝武皇帝). 2) «Хань шу» (漢書 «Книга о Хань») Бань Гу и «Хоу хань шу» (后漢書 «Книга о Поздней Хань») Фань Е (范曄 398-446) квалифицированы в традиции и науке в качестве не «исторических хроник» (сноска №26, с. 55), а официальных историографических сочинений класса чжэньши (正史, «образцовая история»), они же «династийные истории». Тем более странная неточность, если ниже (сноска 28, с. 55) Бань Гу назван «создателем жанра династийных историй». 3) Цай Юн (蔡邕, 132–192), один из ведущих, замечу, политиков, деятелей культуры (ученый, литератор, поэт-одописец), не «служил под началом Дун Чжо» (сноска №33, с. 58), а, с начала 160-х гг. занимал те или иные должности в различных административных структурах (чередую их с «отшельническими» единениями), был известен при дворе. По

каким-то причинам поступил на службу к мятежному генералу (Дун Чжо 董卓 ум. 192, разграбил столицу Поздней Хань, г. Лоян) уже во время роковых для империи Восточная Хань событий осени 189 г., за что затем и был казнен.

Далее. Для многих персоналий не указаны даты их жизни, для монархов – годы их правления. Налицо разногласия в транскрипции посмертных титулов императоров: в одних случаях использован дефис, что наиболее принято в отечественных изданиях (напр., У-ди); в других (что чаще) – слитно, напр. Тайцзун (титул второго монарха империи Тан, прим. 35, с. 59), Гаоцзу (титул основателя империи Хань, с. 123). Есть и «экзотические варианты»: Гуан У (для Гуаньфу-ди). Не унифицировано и представление произведений: их названия нередко даны в переводе и в иероглифическом написании, но без транскрипции. Фигурируют и «авторские варианты» транскрипции названий, напр. «Тайпин Юйлань» (постоянно). Это название (太平御覽) означает «Императорское обозрение [годов под девизом правления] Тай-пин», и загадка, почему сочетание *юйлань* дано с заглавной буквы. Есть и неточные переводы, напр. сочинения Ван Чуна «Ян син шу» (養性書), где термин *шу*, букв. «книга») почему-то передано как «произведение» («Произведение о возвращении природы», с. 56).

К недостаткам рецензируемой диссертации я также отношу, исходя из её общего высокого академического уровня, цитирование «классических книг» по их переводам и без указания, как это принято в отечественной научной литературе, соответствующих разделов (глав, параграфов) текста. Именно так цитируется «Лунь юй» и исключительно в переводе И. И. Семененко (напр., с. 63, 98, 136, 137, 138); «Дао дэ цзин» (тоже в переводе И. И. Семененко, с. 138), да и большинство прочих сочинений. Особенно странно выглядит приведение переводов (без иероглифики и точного указания источника) в тех случаях, когда автор сопоставляет точки зрения Ван Чуна и других мыслителей, например, Лу Цзя из «Синь юй» (新語 «Новые изречения/речения», приведены в переводе И. С. Лисевича, с. 178). Учитывая смысловую сложность «классических книг» и множественность трактовок многих из содержащихся в них высказываний, крайне желательно, на мой взгляд, приводить и другие варианты переводов (в первую очередь, А.

С. Мартынова и Л. С. Переломова для «Лунь юя», В. В. Малявина, Е. А. Торчинова – для «Дао дэ цзина»).

И, наконец, ряд претензий вызывает Библиография. Так, для некоторых англоязычных работ (№№2, 3, 9, 14 и т. д.) указаны, вопреки принятым правилам библиографических описаний, вначале имя и лишь потом фамилия автора, напр. Anthony E. Clark Ban Gu's history of early China / Anthony E. Clark – Amherst: Cambria Press, 2008. – 302 p.; Michael Nylan. Wang Chong / Michael Nylan // Encyclopedia of Chinese philosophy edit. by Antonio S. Cua – New York: Routledge, 2003. – 1020 p (№14). В последнем случае следовало бы также указать не весь объем издания, а страницы публикации (словарной статьи). Несколько отечественных работ, на которые ссылается К. Е. Барабошкин, в Библиографии отсутствуют, среди них некая публикация И. С. Лисевича: «В своей статье из книги «Восточная поэтика» (Гринцер, 1996), где И. С. Лисевич рассматривает становление литературной мысли в Китае,... (с. 47). Ни самой публикации, ни сборника «Восточная поэтика», в Библиографии нет.

Однако нельзя не признать, что **достоинства рецензируемой работы намного превышают любые её недостатки.** Диссертация К. Е. Барабошкина «Проблемы литературной теории в трактате *Луньхэн* («Весы суждений») Ван Чуна (I в. н.э.)», представленная к защите на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10. 01. 03 – Литература народов стран зарубежья (литература азиатского и африканского регионов), вне всяких сомнений, представляет собой подлинно оригинальное, самостоятельное и законченное научное исследование, в котором содержится решение задач, имеющих очевидное теоретическое и практическое значение для китаеведческого литературоведения и синологии в целом. К его первоочередным академическим достижениям относятся: реконструкция литературной концепции Ван Чуна как важного звена в истории формирования традиционной китайской литературной мысли; авторская интерпретация основных идей и многих частных положений Ван Чуна, что проливает новый свет на теоретическое наследие этого выдающегося мыслителя, на особенности представлений о литературном творчестве, складывавшиеся в I-II вв. н. э., и на общие идейно-культурные процессы того времени; разработка методологии изучения

философских сочинений эпохи Хань; введение в научный оборот ранее малоизвестных в отечественной науке источников (полный комментированный перевод 10 глав «Лунь хэн»). Обширность эмпирической базы исследования (оригинальные тексты и научная литература), тщательность проработки источников, прочность системы аргументации, предопределившая обоснованность выводов, позволяют утверждать, что все положения, выдвинутые на защиту, получили содержательное раскрытие в тексте диссертации.

Считаю также, что рецензируемая диссертация может быть рекомендована к публикации в качестве монографии.

Автореферат и 9 публикаций, из которых 4 статьи опубликованы в периодических изданиях (журналах), рекомендованных ВАК РФ, с достаточной полнотой отражают содержательную часть и основные выводы диссертации. Сама тема исследования однозначно отвечает специальности 10. 01. 03 – «Литература народов стран зарубежья» («Литература азиатского и африканского регионов»).

Диссертация К. Е. Барабошкина «Проблемы литературной теории в трактате *Луньхэн* («Весы суждений») Ван Чуна (I в. н.э.)», являясь самостоятельным и законченным квалификационным сочинением и имея существенное значение для специальности Литература народов стран зарубежья, полностью соответствует требованиям п. 7 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК Российской Федерации. Автор Барабошкин Константин Евгеньевич заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10. 01. 03 – Литература народов стран зарубежья (литература азиатского и африканского регионов).

Официальный оппонент:

Кравцова Марина Евгеньевна

доктор филологических наук

(по специальности 10.01.06. -

Литература народов Азии и Африки),

профессор кафедры философии и культурологи Востока

Института философии ФГБОУ ВО

«Санкт-Петербургский государственный университет»

Домашний адрес: 195271, Санкт-Петербург, ул. Замшина, 31-3-201.

Тел. (7-812)5435379, +79215668957

E-mail m.kravcova@spbu.ru

30.08.2016

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ
Кравцова Марина Евгеньевна
ЗАВЕРЯЮ

